

ВАВИЛОНСКОЕ ЗЕРКАЛО

ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ
Родился в Москве, студент-журналист первого курса магистратуры МПГУ. Ведущий подкаста «АВТОРизация» о современных писателях-фантастах, внештатный

автор радио «Нига» и блога «ЛитРес: Самиздат». Сценарист, монтажер и динтор радиопроентов на студенческой медиаплощадке «Пульс», независимый автор художественных тенстов.

*Спи и забывай все, что было сказано,
Что в душе другой не отозвалось.
Больше твое сердце ни с кем не связано,
Отпускай его вдаль по водам грез.*

Ольга Вайнер

В дом тащил все что не лень.

Старые и грузные шкафы давно уже завалили книгами, которые ни разу не открывал: так и пылились, какие – скупленные на развалах, старые, по дешевке, какие – блестящие типографской новизной и стильными обложками. С трудом закрывались ящики стола и всех комодов маленькой однокомнатной квартирке: пихал в них марки и монеты, колокольчики, дурацкие девчачьи наклейки с блестками, старые советские значки, брелоки, игральные карты, проездные и театральные билеты... Иногда сам удивлялся тому, что находил, – шахматным фигурам и давно уже не пишущим ручкам. Не выкидывал – оставлял, лишь поражаясь своей пронизательности.

Сколько это продолжалось? Месяц, год, несколько лет? Потерял счет времени – впрочем, всегда считал его глупой фикцией, лишней надстройкой человеческого сознания. Никогда не был дураком. С молодости читал ученых и философов: Лосева и Платона, Эйнштейна и Спинозу, Фому Аквинского и Джозефа Кэмпбелла.

Собирал все, что несло на себе отпечаток чужих людей, – казалось, что вокруг разрастается его собственная, неповторимая вселенная.

Это ему... *нравилось*. Поначалу. Позже, оказалось, было *нужно*.

А потом – совсем не важно, когда «потом», время совсем не важно! – ему наскучило.

Старый Вацлав стал собирать личины.

Начал с банальных масок. Таскался по карнавальным магазинам, скупал все, что нравилось: силиконовые морды клыкастых чудовищ и картонные карнавальные маски звезд эстрады. Знал, что мог экономить, заказывать онлайн, но тогда все было бы зря! Какой смысл, если сам не можешь посмотреть, прикоснуться, вдохнуть спертый запах этих маленьких магазинчиков в потаенных уголках скукожившегося от декабрьских холодов городка?

Начал с масок – продолжил поддельными паспортами.

Эта была опасная игра на краю пропасти – но тем интереснее. С годами старому Вацлаву все явственней не хватало разнообразия: что же, думал, это в самом деле возраст берет свое? Разменял седьмой десяток – захотелось чего-то кардинально нового? Шагать босиком по лезвию ножа? Оставлять следы незримой золотой крови на холодном снегу? Отщипывать по кусочку от себя

самого? И ладно бы, просто ум зашел за разум на старости лет, это можно понять и перетерпеть, но у новых личин было прямое назначение.

Теперь его звали Владимир и Йозеф, а еще Карл, Адам и Вениамин. Иногда выбирал имена наугад, иногда подходил к делу с извращенной элегантностью: Отто назвался в честь Бисмарка, Фридрихом – в честь Ницше, Вольфгангом – в честь Мессинга. Чужие личности – пустые, как темные стеклянные бутылки на свалке, – облепляли его мокрой листвой. Позволяли быть собой – и множественно других одновременно.

Старый Вацлав – или какое имя он выбрал сегодня? – сам становился своей коллекцией.

Улицы припорошил хулигански скрипящий под ногами снег, и даже самое отвратительное – грязные подворотни и горы мусора в баках, осыпавшая штукатурка подъездов и прогнившие скамейки – сделалось сносным. Старый Вацлав шел, откнувшись носом в колючий шерстяной шарф.

Любил Новый год. Можно было дарить подарки самому себе, а грань между чудесным и реальным, мифом и жизнью становилась такой тонкой, что грезились – все возможно.

Стемнело. Скрюченный, укутавшийся в старое, залатанное, но теплое пальто – под ним крупно вязанный свитер, – старый Вацлав блуждающей тенью тащился под яичным светом фонарей.

Друзья и студенты говорили ему – или, может, Йозефу? – что он напоминает им бедных гоголевских героев, несчастных либо в своем отчаянии, либо в авантюрной гениальности. Но под Новый год, каждый раз, когда старый Вацлав заявлялся на кафедру скрюченный, сухонький, в том же свитере и почесывал крючковатый нос, шутили – вылитый Скрудж! И уже за спиной добавляли: такой же скряга. Тратит все на глупые безделушки, хотя денег – повезло! – куры не клюют.

Старый Вацлав лишь улыбался. Еще одна личность в его коллекцию.

Он давно уже не вел лекции: вообще почти не показывался на людях.

Завернув за угол, разглядел нужную вывеску, сверкающую подсветкой гирлянд, и толкнул дверь. Зазвенел колокольчик. Анахронизм, подумал старый Вацлав, глупый анахронизм!

Этот антикварный магазинчик его давно уже не удивлял – наведывался сюда часто, еще в той, казалось, другой жизни, когда не таскал отовсюду личины. Только вещи – и связанные с ними отпечатки: эмоции, воспоминания, ощущения.

Понимал, что не сможет расшифровать их, не превратит этот немой язык в пустые трухлявые слова, – старый Вацлав и не старался; ощущал смыслы пылью на губах.

Минуя полки со старьем и пухлыми книгами – обложки сплошь старые, советские, – добрался до прилавка. Ожидал увидеть хозяина – рыжего, тучного, любившего полосатые штаны и вечно жаловавшегося, что металлические пуговицы на них отлетают и звонко катятся по полу.

Но из-под прилавка торчала лишь голова с двумя несуразными косичками. Голова отвлелась – улыбнулась, продемонстрировав пару выпавших зубов, и зашебетала:

– С наступающим!

– И вас... тебя... – Старый Вацлав смутился. Всегда ладил с детьми лучше, чем со взрослыми, просто удивился. – А где...

– Дядя Сережник пошел за горячим шоколадом. – Девочка вдруг надулась. – Только его уже долго нет! А он обещал побыстрее! Меня, кстати, Ксюша зовут!

– Очень приятно. А меня... – Старый Вацлав задумчиво забарабанил тонкими пальцами по прилавку.

– А вас? – подсказала девочка.

– А меня... зови как хочешь, да. Как хочешь.

– Но так ведь не бывает! – возмутилась девочка, но тут же забыла обо всем на свете: услышала дверной колокольчик и кинулась к толстяку с двумя картонными стаканами.

– Дядя Сережник, мы тебя тут уже заждались! А что это у тебя? Это ведь не горячий шоколад! – Ксюша, уже вцепившись в один стакан, ткнула пальцем во второй, дядин. – Это что, кофе? Я тоже хочу кофе!

– Но ты ведь просила горячий шоколад, – забасил рыжий дядя Сережник.

– А теперь я хочу кофе!

– К тому же, – будто не слыша замечаний племянницы, продолжил дядя, зачем-то загибая пухлые пальцы свободной руки, – ты еще слишком маленькая, чтобы пить кофе. Вырастешь – пей сколько влезет.

Старый Вацлав откашлялся, напоминая о себе.

– Ксюша, милая, ну чего ты, видишь, дядя ждет.

– А дядя сказал, что его можно называть как угодно! Представляешь?! – Девочка запрыгала следом, совсем не боясь задеть раритетный товар.

– Он не обманул. – Дядя Сережник вернулся за прилавок. Поставил бумажный стаканчик и об-

Смотрел на горбатый нос, который в отражении казался еще причудливей, на глубокие морщины и синяки под глазами, на потрескавшиеся губы – слишком часто облизывал на морозе. И старому Вацлаву нравилось: отличная, думал он, личность для того, чтобы вместить всю его коллекцию. Все самое интересное – там, внутри. Снаружи – дежурная маска, не отражавшая ни капли его самого.

ратился уже к старому Вацлаву, тут же нахмурились: – Что на этот раз, старик? Только не вздумай...

Он взглядом указал в сторону племянницы, которая дула на карточный стакан с мордочкой оленя, даже не сняв красную крышку.

– Я собираю вещи и личности, – монотонно протянул старый Вацлав, пригладив седые волосы на лысеющей голове. – Я люблю детей. Я преподавал.

– Ты моего сына учил, знаю. Принес новое имя? И все остальное?

Старый Вацлав достал из внутреннего кармана пальто скомканную бумажку, чуть помял ее в руках, словно обдумывая нечто, и протянул хозяину лавки. Тот пробежался по ней глазами, как делал уже не первый раз. Вдруг замер, цокнул и поднял взгляд.

– Ты уверен? Раньше ты такого никогда не делал. Ты не боишься последствий, старик?

– Каких, позволь спросить?

– Юридических.

20

– За себя переживаешь?

– За тебя, старый дурак. Ты понимаешь, что это... ладно, дьявол с тобой. Успею к Новому году. Хотя тебе что до, что после, все одно!

– Я люблю Новый год...

– Ты любишь себя, старик, – вздохнул дядя Сережник. – Уходи. Я все сделаю.

Хозяин лавки развернулся и скрылся где-то в служебных помещениях. Старый Вацлав, вновь укутавшись в шарф – шапок не носил, – развернулся и собирался было уйти, как тут Ксюша дернула его за руку. Старый Вацлав опустил взгляд – девочка протягивала нечто, завернутое в старую газету.

– Держите, это подарок от меня! Только дяде не говорите! Он все равно продает всякую ерунду, а вы мне понравились – вы забавный! Это подарок на Новый год! Ой, ну, то есть, на наступающий! Только не открывайте раньше праздника! Оттаторив все это, девочка вернулась к горячему шоколаду. Пила, причмокивая.

Уходя, старый Вацлав услышал слова дяди Сережника:

– Не говори ты с ним лишний раз. Странный этот старик – будто сам не свой.

«Сам не свой», – подумал старый Вацлав. Как красиво сказал.

Праздника, конечно, не дождался: развернул накануне, тридцатого числа, когда на улице было не протолкнуться через толпу покупающих подарки и продукты, погрязших в суете, этой беготней созданной, – заколдованный круг. Глупая ловушка, думал старый Вацлав, к чему спешить, когда суета – ничто? И время – ничто. Все пляшет под кнут и дудку судьбы.

Фоном монотонно и неразборчиво бурчал старый телевизор, жужжал холодильник, гремели соседки сверху, смеялись в голос – снизу, а справа всегда было тихо, словно старый Вацлав жил рядом с покойниками.

В газету оказалось завернуто старенькое зеркальце в красивой серебристой оправе и с такой же ручкой, все – в форме кольца свернувшейся змеи с длинным хвостом. Старый Вацлав и сам бы купил такое, увидь раньше, – положил бы в один из ящиков или оставил бы прямо здесь, на кухонном столе: чистом, но заваленном ненужным бахламом, от отверток до скрепок.

Старый Вацлав рассматривал свое отражение, поворачивая зеркальце то так, то этак. Смотрел на горбатый нос, который в отражении казался

еще причудливей, на глубокие морщины и синяки под глазами, на потрескавшиеся губы – слишком часто облизывал на морозе. И старому Вацлаву нравилось: отличная, думал он, личность для того, чтобы вместить всю его коллекцию. Все самое интересное – там, внутри. Снаружи – дежурная маска, не отражавшая ни капли его самого.

Он покрутил зеркало в руках еще и еще – серебро блесело в свете удручающе-желтой люстры; касаясь зеркальной глади, лучи словно бы рассыпались на мелкие осколки, и потом, как витражи европейских соборов – о, у старого Вацлава были красивые книжные альбомы! – собирались вновь. Сначала это был его портрет, как и положено. Правдивый, но чуть искаженный озорным светом, а потом в отражении – нет, вокруг, везде и сразу! – вырос город, и в лицо ударил ветер, и повеяло речной свежестью, и зазеленели финиковые пальмы...

...Вавилон нарядился к празднику, все семь врат великих богов были открыты, и через них стекалась по улицам незримая, неошутливая благодать, собиравшаяся на верхушке ступенчатого зиккурата Эсагилы, жемчужины старого мира.

Через город несли праздничную статую бога Мардука, и в тени этого шествия шел он, самый богатый человек в Вавилоне, но праздник его не интересовал. Он уже давно сам читал все ритуальные тексты наедине с собой, знал их наизусть, хранил нужные глиняные таблички прямо дома – не желал тратить времени. Лучше он позаботится о себе, пополнит коллекцию немислимых богатств.

Однажды оракул, говоривший языком звезд, сказал ему, смотря затуманенным взглядом на печень козла: «Твой рок страшен. Ты потеряешь три самые дорогие вещи – одна за другой; потом тебя постигнет погибель, и чумазные руки госпожи Эрешкигалы утянут душу твою, тело твое в подземный мир».

Чем больше бегаешь от судьбы, тем сильнее она дышит тебе в спину. Но у него, самого богатого человека в Вавилоне, была идея. Один шанс – возможный лишь сегодня, в новогоднее празднество.

Сегодня он добудет уникальную личину.

Еще когда старый Вацлав работал в университете и приносил домой лишь необходимое – пакеты с продуктами, мягкие подушки, теплые пледы и кружки из поездов за границу, – он любил растянуть дорогу на работу. Мог бы брать такси – платили хорошо. Мог бы ехать общественным транспортом, как и делал, но коротким путем: автобус, пересадка, автобус.

Выбирал самый длинный. Обожал ощущение поездки, когда время – которое с недавних пор стало так неважно! – и пространство несется мимо на неопишуемых скоростях потоком размытых образов, а ты, как истукан старых храмов, остаешься на месте. Незыблемый и вечный – холодный мрамор и белоснежный гипс.

Старый Вацлав – тогда еще только старый Вацлав – сидел в автобусе, доезжал до железнодорожной станции, там полчаса ждал электричку: покупал паршивый кофе из автоматов и изучал сонных людей. Час в душной, переполненной электричке, потом – снова автобус и дорога пешком, которую старый Вацлав всячески растягивал, выходил на одну-две остановки пораньше.

И вот однажды, когда сидел на вокзале, к нему пристала старуха: думал, будет просить милостыню, уже приготовился уйти – всегда был большим скрягой, – но та лишь сказала:

– Хочешь, погадаю на судьбу?

Старый Вацлав усмехнулся. Подумал – это должно быть забавно. Любил такие игры. К тому же получалось точь-в-точь как в том дурацком многосерийном кино, которое каждый вечер, как гипнотическую пластинку, крутили по телевизору.

И старуха просипела – так, словно сам ветер говорил ее сухими пухлыми губами: «Ты потеряешь три самые дорогие вещи – одна за другой».

Конечно, он только посмеялся. И старуха – тоже; не зло, не жутко, а сочувствующе. Посмеялась, как он понимал теперь, над его глупостью.

Конечно, старый Вацлав не поверил.

А потом у него погибла дочь – разбилась в аварии. Казалось, издевка судьбы – водитель остался жив, все повреждения машины покрыла страховка, и только его дочь канула в холодные воды Стикса. Его дочь – звонкая, любившая заплетать волосы в косы, а весной, как только майский воздух начинал ласкать кожу нежным бархатом, носить яркие юбки...

...К его дочери сватались богатейшие халдеи Вавилона – не богаче его самого, – и каждый раз она отказывала им, не видя за блеском золота живых людей, только холодные помыслы. И самый богатый человек в Вавилоне соглашался, понимал ее – ее, такую звонкую и радостную, любившую хорошее сладкое вино. Когда ее убили – один из отвергнутых ею халдеев подмешал яд в кубок, – самый богатый человек в Вавилоне вспомнил слова оракула и проклял: себя, его и подлого халдея...

Старый Вацлав стал собирать все что не лень, сам не понимая зачем. Будто думал, что отпечатки чужих жизней на вещах запутают судьбу, собьют ищеек-Эриний с пути.

Потом он потерял работу – вторую самую дорогую вещь в его жизни. Его просто уволили, вот так, без особых объяснений: говорили что-то про оптимизацию, про молодых сотрудников, про его устаревшие методы... А он слышал все и не понимал ни слова, будто с ним говорили на мертвом языке...

...Когда зрение его испортилось так, что не мог больше различить тонких линий клинописи, понял, что сбылась вторая часть предсказания. Самый богатый человек в Вавилоне души не чаял в переписывании текстов, гордился своей грамотностью, жил звуками и узорами гимнов, песнопений, эпосов. Он ушел сам. Понял, что труд его будет бесполезен, – понял и второй раз проклял себя, злой рок, оракула, халдея-отравителя...

На последней лекции старый Вацлав – как всегда, в рамках темы, – рассказал студентам любимую сказку. Египетскую.

– Семь богинь Хатхор напророчили юноше, что он примет смерть от змеи, от крокодила или от собаки. Он спасся от змеи, спасся от собаки, спасся от крокодила и попал в лапы водного духа...

– И тот его убил? – спросил кто-то из аудитории.

– Нет. – Старый Вацлав улыбнулся. – Теперь – самое смешное...

И он рассказал им о том, что конец истории затерялся в веках. Никто так и не узнает, настигла ли хоть одна из трех наточенных гильотин судьбы бедного юношу.

А старый Вацлав уже тогда решил, что у его сказки обязательно будет конец.

Тридцать первое декабря звенело праздничным гомоном, искрилось серебром снежинок, горело диадемой обыкновенных чудес.

Старый Вацлав – или Фридрих? – молча шагал по улице; во внутреннем кармане пальто лежало подаренное зеркало, отражавшее – что? Он так и не разобрался – лишь догадался, краем глаза поглядывая в отражение. Видел там – кого? Себя или очередную маску? Окружающий мир схлопнулся для старого Вацлава в одну точку: не замечал ни перезвона волшебства, ни искр зимней стужи, не шепота чудес...

...У ступеней зиккурата Эсагилы вслух читали эпос о сотворении мира, каждый раз как впервые. Нараспев, гордо, с восхищением. Город пропитался вязким благоденствием, радостью жизни – они, дети Вавилона, всегда умели наслаждаться каждым ее мгновением. И, обгоняя процессию со статуей бога Мардука, самый богатый человек в Вавилоне, не замечая ничего этого, спешил в храм, заранее договорившись обо всем со жрецами...

Старый Вацлав разглядел нужную ему вывеску. Остановился, задумался, вздохнул – облачко пара призраком растаяло в воздухе.

Он знал, что все придет к этому. Когда потерял две вещи, понял, что осталась последняя. Знал, что третья, самая дорогая ему вещь, – он сам.

Потому и начал собирать личины: макси и паспорта. Раз не помогли вещи, может, хотя бы так, окружая себя фантомами чужих личностей, он даст судьбе шанс лишить самого дорогого кого-то из них: Фридриха, Отто, Вольфганга, Владимира, Йозефа, Карла, Адама, Вениамина и десятков других. И чем больше он собирал, чем больше спутывал эти цветные нити (красные – рок, черные – смерть, белые – судьба), тем больше понимал: нет, нужно *полностью* стать другим. Перенаправить судьбу на существующего человека, пустить пыль в глаза трем старухам. Надеть всеобъемлющую личину.

Старый Вацлав – не Карл ли? – достал зеркало из внутреннего кармана и посмотрел в отражение...

...Он поднимался на вершину зиккурата, в то священное помещение, куда вхожи были лишь царь и жрецы: но самого богатого человека в Вавилоне так уважали, что и без договоренностей пускали сюда во времена нужды. А сейчас его ждали. Жрецы кивнули ему, омыли водой вперемешку с благоухающими маслами, надели чистые белые одежды – совсем простые – и повели вниз. Самый богатый человек в Вавилоне чувствовал, как судьба настигает его на пятки, но верил, что все получится, – ведь на краткий миг он станет не собой. Как становились многие до него...

Дверной колокольчик зазвенел. Сегодня старый Вацлав даже не стал ругаться про себя: был слишком сосредоточен. Ожидал увидеть девочку за прилавком, хотел улыбнуться ей, сказать спасибо, поздравить с праздником – даже распахал купленные конфеты по карманам пальто. Но за

прилавком привычно стоял рыжий толстяк. Поднял голову, услышав, как хлопнула дверь.

- А, это ты, старик. У меня все готово.
- Где девочка?
- Тебе-то какое дело?
- Хотел поблагодарить за подарок.
- Подарок? – удивился хозяин.
- Принеси – и поговорим.

Когда хозяин лавки скрылся в служебных помещениях, старый Вацлав вытащил зеркало – не смотря в отражение, положил на край прилавка. Туда же выпотрошил полные конфет карманы, а рядом положил стопку бумажных купюр – уже для дяди девочки.

Когда хозяин вернулся, неся красивый, отливающий бордовым – как старые сургучовые печати – паспорт, то даже не заметил лежавших на столе вещиц.

Старый Вацлав задышал чаще. Почувствовал, будто что-то – судьба, рок, смерть? – дышит ему в спину; по шее пробежали мурашки. Старый Вацлав – или Адам? – схватил паспорт, развернул на первой странице...

...Он, переодетый в богатые одежды, сидел на тронном месте царя, и они воздавали ему почести: приносили вино, высказывали благодарность, предлагали наложниц. Самый богатый человек в Вавилоне – он ли еще? – знал, что это – просто игра, правила которой известны каждому. Ритуал подменного царя совершался каждый Новый год уже много тысяч лет – когда на место правителя сажали другого человека, всего на один день; чтобы никаких бед не случилось с настоящим царем в этот переломный период, чтобы тот смог очиститься от своих прегрешений, пройти ритуал унижения – его били по щекам, а тот должен был плакать, чтобы год стал урожайным. Обычно царя подменяли воры и мошенники, те, кого не жалко, случись что; так решали жрецы. Но в этот раз самый богатый человек в Вавилоне сам напросился: и вот он уже не тот, кем был раньше. И судьба целый день будет плутать вокруг до около, не зная, куда нанести удар. Поразит другую цель, пока он носит чужую маску, так удачно предложенную ему... чем же? Получается, тоже судьбой?..

Девочка Ксюша доедала конфеты, вся измазавшись шоколадом. Сильно дядя Сережник ругать ее не стал – в конце концов, зеркало ему вернули, а ругаться на такую чудесную девочку, как она, решительно невозможно. Ксюша в этом была уверена.

Жалко, подумала девочка, что она не застала того странного и забавного дядю, – сегодня же праздник!

Пока снежки неистово кружились за окном, а ветер свистел, словно подергивая морозные струны лиры, Ксюша решила посмотреться в зеркало, которое дядя не успел унести обратно в подсобку. Взяла его за холодную серебряную ручку, заглянула в отражение – и уголок испачканного шоколадом рта сменился фантастической картинкой: будто в мультике, тут же подумала Ксюша. Девочка увидела человека в богатых одеждах – наверное, какой-то царь, тут же сообразила она, – к которому стекались мудрецы с длинными бородами и грациозные женщины. Девочка видела, как ему подносят напитки и сладости, как его, вставшего, хвостом сопровождают советники... А потом Ксюша видела, как этот человек вдруг резко останавливается и падает, из спины торчит кинжал, и его, самого богатого человека в Вавилоне, не шевелящегося, уносят куда-то. Тогда в зал входит другой мужчина в еще более роскошном одеянии – тоже с длинной черной бородой. Все поднимают кубки – ликуют в честь Нового года и нового – вернее, обновленного старого, – царя.

Ксюше стало скучно – зеркало она отложила.

Его сказка – как звали его? какое из имен подойдет лучше? – так и осталась незаконченной.

